

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В связи с просмотром работ советских антропологов на основе итогов дискуссии о положении в биологической науке и с критикой, которую вызвали мои работы прошу редакцию журнала «Советская этнография» опубликовать нижеследующее заявление.

Я полностью признаю, что некоторые мнения, высказанные мной по вопросам теоретической антропологии, требуют пересмотра: в теоретических работах по наследственности у человека я широко применял методы формальной генетики; в статье 1922—1925 гг. развивал теорию отбора в антропологии, что неизбежно привело к высказываниям расистского, по существу, порядка; будучи противником практической программы евгеники (стерилизация и т. п.), я использовал для изучения наследственности у человека «Евгеническое общество» и тем самым поставил себя в ряды евгенического движения, отправляющегося от ошибочных реакционных теорий. С 1927 г., отвергая гипотезу отбора как существенного фактора в изменении типа на поздних стадиях развития человечества и оспаривая некоторые существенные положения морганизма, я все же не выходил из рамок обычных менделевских методов.

Ознакомившись с итогами последней сессии Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, я должен признать безусловную правильность принципов советского дарвинизма, сформулированных академиком Т. Д. Лысенко, научную несостоятельность и идеологическую вредность генной теории наследственности Менделя — Моргана, а вместе с тем и ошибочность исходных положений некоторых моих теоретических работ.

В настоящее время я не могу не высказать сожаления, что разработка теоретических вопросов антропологии, отчасти в связи с перегруженностью конкретными исследованиями в основной области моей научной деятельности — этнической антропологии, морфологии, практической антропометрии — велась мной недостаточно интенсивно. В 1936 г. мне следовало более определенно формулировать высказанное мной мнение об относительном значении анализа распределения признаков в потомстве (менделевского метода) и условности корпускулярной теории наследственности, которая всегда воспринималась мной с большими оговорками (1925 г.). В 1922—1925 гг. нужно было учесть, что в свете грандиозных социальных сдвигов нашей эпохи, тогда уже намечавшихся, разработка евгенических вопросов по существу оказывалась политически вредной, поскольку евгенические теории использовались реакционной буржуазией в попытках создать видимость научного обоснования для своей политической доктрины, а впоследствии стали даже знаменем человеконенавистнического фашизма.

Не могу также не пожалеть, что мой доклад на сессии Биологического факультета Московского государственного университета в июле 1942 г., содержащий развернутую критику расизма, остался неопубликованным.

Надеюсь, что эти разъяснения снимают с меня тяжелое обвинение в солидарности с реакционной идеологией, которой я никогда не разделял, хотя и не сумел противопоставить ей передовые идеи советской науки с той определенностью, с какой я пытался это сделать в исследовании конкретных расовых типов, в учении о физическом развитии и других работах.

Старш. научн. сотр. Ин-та этнографии доктор биол. наук *В. Бунак*